

УДК 94(571.5)
ББК 63.3(253.5)
DOI [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).627-641](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).627-641)

Л. В. Кальмина
*Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация*

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ. (ТОРГОВОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ВЕРХНЕУДИНСКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА)

Аннотация. Даже при общих правилах игры на региональном рынке разные народы вели торговлю каждый по-своему. Ее национальная специфика определялась правовым положением этноса и его исторически сложившимися традициями ведения торгового бизнеса. В статье проводится сравнение особенностей национальной торговли русского купечества и «торговых» народов — евреев, татар, китайцев. В качестве исторической площадки для иллюстрации этнических нюансов торгового предпринимательства автором избран Верхнеудинск — один из крупнейших торговых центров Сибири в изучаемый период.

Ключевые слова. Евреи, китайцы, оборот капитала, русские купцы, татары, торговое предпринимательство, этнические особенности.

L. V. Kalmina
*Institute of Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies of the SB RAS,
Ulan-Ude, Russian Federation*

SPECIFIC FEATURES OF NATIONAL TRADE (COMMERCIAL BUSINESS IN VERKHNEUDINSK IN THE SECOND HALF OF 19TH — EARLY 20TH CENTURIES)

Abstract. Although the rules of the game were the same for everyone, different nations conducted trade in

their different ways. Its specific features depended on the legal status of the ethnos and its historical traditions for conducting commercial transactions. The article compares national trade customs of Russian merchants to those of «trade» nations – the Jews, the Tatars, the Chinese. Author chose Verkhneudinsk as a historical site to illustrate the ethnical nuances of commercial business as it was one of the largest trade centers of Siberia in the studied period.

Keywords. Commercial business, ethnical specifics, turnover of capital, Russian merchants, the Jews, the Tatars, the Chinese.

Торговая специализация Верхнеудинска изначально была обусловлена его выгодным географическим положением. Расположенный на пересечении основных водных магистралей Забайкалья и важного торгового пути из Иркутска в Кяхту, в месте ответвления от него дороги на Нерчинск, он еще в дореформенный период успешно играл роль торгового посредника между городами Восточной Сибири. Во второй половине XIX в. его статус торгового центра еще больше укрепился: в справочных изданиях Верхнеудинск оценивался как «наиболее торговый» город в Восточной Сибири¹.

Видное место города в торговой инфраструктуре края обусловило и занятия его жителей: торговля на протяжении многих десятилетий оставалась главным занятием городского населения. Даже в канун XX в., в 1899 г., сборы за промыслы и торговые свидетельства составляли 1 139 р. 90 к., тогда как сборы с патентов на заводы – только 846 р. 75 к.² О росте торговой активности горожан свидетельствовала постоянно растущая «выборка» торговых и гильдейских свидетельств.

¹ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 338.

² Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 1493. Л. 14–15.

В 1875 г. в Верхнеудинске было выбрано 93 свидетельства, в 1878 г. их число выросло до 115, а в 1881 достигло 1186¹, хотя треть всех торговых заведений города составляли лавки мелочного торгова, годовой оборот которых не превышал 300–500 р.² Торговля оставалась основным средством существования горожан и в начале XX в. В годовом отчете Верхнеудинской городской управы за 1909 г. указывалось, что главный промысел населения города — «около железной дороги и торговля»³.

Эпицентром городской деловой жизни была Верхнеудинская зимняя ярмарка, учрежденная как постоянно действующая в 1768 г. и проводившаяся во второй половине января — начале февраля, в зависимости от сроков установления прочной дороги через Байкал. Ярмарка как «место встречи» товарных потоков из межрегиональных ярмарочных центров, общероссийских ярмарок, продуктов промыслового хозяйства коренного населения Забайкалья и «китайских» товаров, поступавших через Кяхту, быстро стала центром притяжения для торгового люда со всех концов империи.

До середины XIX в. верхнеудинская торговля имела мононациональный характер. Хотя наезжавшие на ярмарку бурятские промысловики немного «разбавляли» монолитную массу русских торговцев, продукция их охотничьего хозяйства была второстепенным предметом торгова и погоды на городском рынке не делала. Во второй половине XIX в. оптовую торговлю Верхнеудинска столь же прочно держали крупные русские торговые фирмы, а ярмарочные объемы русского купечества не знали себе равных. В частности, на ярмарке 1876 г. четверо купцов — А. Ф. Второв, И. С. Хаминов и братья Родионовы — продали товаров на 252,9 тыс. р., что составило 28,8 % ярмарочного оборота, а в 1879 г. Второв и Торговый дом «Братья А. и К. Шушаковы» реали-

¹ ГАРБ. Д. 18. Л. 8; Д. 243. Л. 40; Д. 346. Л. 3–4.

² Подсчитано по: ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 845.

³ Там же. Д. 2492. Л. 59.

зовали товара на 475 тыс. р. — около пятой части всех продаж¹. Однако в это время происходит некоторое перераспределение «рыночных» ролей: на торговом поле появляются новые игроки — этнические меньшинства, уже составлявшие устойчивые сообщества.

Евреи и татары оказались в Забайкалье главным образом в качестве ссыльных. Низкие стартовые возможности людей с ущемленным правовым положением и отсутствием первоначального капитала для ведения торгового дела, естественно, не позволяли успешно конкурировать с русским купечеством, имевшим солидную фору в виде устойчивых позиций на городском рынке. Однако на их растущую торговую активность повлияла генетически закрепленная способность жить в качестве торгового меньшинства. К тому же формирование стабильных этнических групп в регионе совпало с процессом «смены поколений» в купеческой среде, когда место старого родовитого купечества заняли дельцы новой формации, выбившиеся из «низов» и сколотившие состояние «случайным и удачным для них оборотом дел» [2, с. 128]. Не избалованная государственным протекционизмом, молодая поросль предпринимателей «на марше» училась иной, более динамичной системе хозяйствования, стержень которой составляло умение определить рыночную конъюнктуру и с упреждением уловить соотношение спроса и предложения. В этом плане возможности торговцев, независимо от правового статуса, в каком-то смысле уравнивались.

Евреи освоились в этой игре раньше других. «Обреченные» на занятия торговлей законодательным отстранением от наиболее престижных сфер деятельности — государственного управления и сельского хозяйства, так как это подразумевало владение землей и земельные операции, — они бросились реализовывать

¹ Подсчитано по: ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 29. Л. 18–20; Д. 236. Л. 10, 18, 38.

свои деловые амбиции в торговом бизнесе. Их устремления счастливо совпали с взглядами сибирской администрации на устройство их жизни: в качестве торгового элемента они были остро востребованы активно колонизируемым регионом. А их умение связывать экономическими отношениями города и отдаленные районы сделало их незаменимыми торговыми посредниками.

«Еврейский» способ ведения торговли был объективно продиктован правовым положением этноса. Жесткая регламентация правил пребывания евреев в той или иной местности, периодические проверки с целью «очищения» города от незаконно проживающего в нем «еврейского элемента» требовали быстрого оборота капитала и скорого безболезненного свертывания работ при первой же угрозе выселения из города [4, с. 129]. Особенностью еврейской торговли была относительная дешевизна товара и даже продажа его в кредит: на первых порах обзаведение постоянной клиентурой и необходимость как можно большему кругу людей, привыкших к «своему» еврею, для еврейских торговцев были важнее сиюминутной выгоды. В стремлении получить прибыль еврейские дельцы делали ставку не на высокую цену товара, а на быструю оборачиваемость денег. Известный исследователь еврейского экономического быта И. Оршанский отмечал, что пока рубль обернется у русского два раза, у еврея он обернется пять [6, с. 112, 140].

Объемы ярмарочной торговли у евреев были скромными. Вчерашние ссыльные не располагали достаточным оборотным капиталом и не имели возможности взять кредит для закупки больших партий товаров на Ирбитской или Нижегородской ярмарках, как это делали крупные представители русского купечества. К тому же для того, чтобы покинуть место причисления, требовалось специальное разрешение, которое они могли и не получить. Но евреи обладали умением вдохнуть жизнь в неторопливое течение сибирской торговли.

Если русские «торговые гиганты» брали размахом, то «еврейский элемент», по оценке современников выделялся своей мобильностью. Газета «Восточное обозрение» писала, что «не будь еврея, то ярмарка (Верхнеудинская. — Л. К.) была бы похожа на “спящее царство” ..., еврей импульсировал ярмарочную торговлю, и в этом отношении сибирский купец далеко отстал от него»¹. Динамика и оборотистость еврейского торгового предпринимательства, отмеченные на всей обширной сибирской территории, позволяли выигрывать конкуренцию с сибирским купечеством, которое намного медленнее адаптировалось к новым рыночным условиям с гибкой ценовой политикой и предпочитало «пассивные» способы получения прибыли [8, с. 126].

По гибкости, мобильности и напористости китайская торговля не уступала еврейской. Китайцы весьма уютно чувствовали себя в торговой инфраструктуре Забайкалья: предоставленное им право беспошлинной торговли позволяло держать демпинговые цены и быть вне конкуренции. Полученные преференции позволили постепенно вынести китайскую торговлю за пределы приграничной Кяхты, где ранее совершались сделки исключительно с местным купечеством на основании правил меновой торговли с Китаем. Верхнеудинск как торговый центр Западного Забайкалья, находившийся на пересечении важнейших трактов и водных артерий, оказался в сфере интересов китайских торговцев.

Без малого два десятка лет кяхтинские и верхнеудинские купцы обращались в различные инстанции с прошениями об обложении торгующих в России китайцев положенными пошлинами и ходатайствовали о пересмотре условий их торговли, которые ставили городское купечество в заведомо невыгодное положение. Лишь в 1879 г. право китайцев вести беспошлинную

¹ Восточное обозрение. 1894. 13 апр. (№ 44). С. 2.

торговлю было ограничено 50-верстной приграничной полосой, а их обязанность брать установленные торговые свидетельства закреплена законодательно. Но по большому счету это ничего не изменило. Китайцы беззастенчиво игнорировали новые правила, ссылаясь на инструкции китайского купеческого старшины и китайское законодательство, и настаивали на дальнейшем разрешении беспошлинной торговли. Силовые меры, принятые городской властью Верхнеудинска по отношению к китайским торговцам, — закрытие и опечатывание их лавок, угрозы денежных штрафов — ни к чему не привели. Китайцы просто переходили на «нелегальное положение» и продолжали торговать при снятых вывесках¹. Все попытки направить китайскую торговлю в законное русло спотыкались о стойкое сопротивление и этническую корпоративность. К тому же опасения ответных действий китайской стороны по отношению к русскому купечеству, политика содействия местной администрации торгующим лицам и робкие, непоследовательные действия против нарушителей объективно способствовали закреплению тактики постоянных правонарушений как этнической особенности китайской торговли [5, с. 78].

Однако постепенно китайцы стали принимать новые правила, и число выбранных ими документов на право торговли в Верхнеудинске стало, хоть и медленно, расти. В 1884 г. документы взяли 11 китайских торговцев, в 1892 г. — 14 (почти половина живших в городе), в 1904 г. — уже 50². Об их легализации свидетельствует тот факт, что Верхнеудинская городская управа при объявлении торгов в числе допущенных к ним лиц, «имеющих законное право производить торговлю», называла и китайцев³.

¹ ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 112. Л. 32, 54, 56, 60, 76.

² Там же. Д. 431. Л. 1-139; Д. 845. Л. 1-62; Д. 1038. Л.19; Д. 1799. Л. 3-36.

³ Там же. Д. 433. Л. 22.

Высокая торговая активность евреев и китайцев подтверждается статистикой: их доля в числе торгующих была стабильно выше, чем процент в городском населении. В 1880–1900-е гг. процент торгующих китайцев в среде имевших право торговли не опускался ниже 8, тогда как китайцы составляли не более 1,4–1,5 % городского населения. Евреи составляли четверть всех городских торговцев, хотя их доля в населении Верхнеудинска колебалась в пределах 10–14 %. Верхнеудинская городская управа даже пребывала в изрядной панике перед «прогрессивным наплывом в город Верхнеудинск евреев и китайцев, захвативших в свои руки мелочную торговлю» и «лишающих горожан необходимых заработков для платежа повинностей»¹. При явном преувеличении «разрушительной силы» еврейской и китайской торговли для торгового предпринимательства верхнеудинцев следует указать, что в 1889 г. каждая третья лавка в Верхнеудинске принадлежала евреям, каждая пятая — китайцам².

Татары на забайкальском экономическом поле оказались гораздо позже, потому им было сложно конкурировать не только с русским купечеством, но и с уже успевшими занять свою торговую нишу евреями, и с получившими завидные преференции китайцами. Если в Западной Сибири татарский торговый бизнес не уступал в гибкости и оборотистости еврейскому и армянскому [8, с. 126–127], то в торговой сети Забайкалья татары были менее заметны. Яркие выраженные этнические особенности их торговли выделить не удалось. Она была по преимуществу мелкой, без всякой специализации и не приносила солидного дохода. Хотя ею занималась большая часть татарского населения Верхнеудинска, а для приписанных к мещанскому обществу татар она была практически единственным способом заработка, зажиточных торговцев среди них

¹ ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 220. Л. 13–14.

² Подсчитано по: ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 658. Л. 13–43.

было немного, в лавках каменного гостиного двора торговлю вели единицы, а в гильдейском купечестве состояла только одна семья [7, с. 42–43].

Об этнических особенностях польской торговли можно говорить с изрядной долей условности: торговля для поляков не была самостоятельной отраслью. Они занимались ею вынужденно, только ради выживания в тяжелых условиях ссылки и скопления первоначального капитала для организации в будущем какого-либо производства [1, с. 75–76].

Распределение между торговцами ассортимента реализуемых в городе товаров тоже обнаруживает этнические черты. Крупные фирмы, принадлежавшие русскому купечеству, фактически поделили между собой городской оптовый рынок: Второв – мануфактура, Собенников и братья Молчановы – чай и сахар, Голдобин – крупчатка, Трунев – железные изделия, Федченко – масло и бакалейные товары. Монополию русских предпринимателей составляла и наиболее прибыльная – винная – торговля. Только один водочный завод Н. Голдобина в 1895 г. давал 81 % всего объема городского производства, а два пивоваренных завода, принадлежавших купцам Кобылкину и Коробейникову, в 1907 г. выпускали около 60 % промышленной продукции Верхнеудинска¹. В печати отмечалось, что сибирские промышленники «кинулись на винокурение», обнаружив, что вино дает даже более стабильный и высокий доход, чем добыча золота². Однако по списку торгово-промышленных заведений в 1889 г. среди владельцев трех винных складов, пяти ренсковых погребов, водочного завода и 14 питейных заведений не числилось ни одного «инородца»³. И если китайские предприниматели все-таки торговали в розницу алкоголем, то евреев, преуспевших в водочном

¹ ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1079. Л. 27–28.

² Восточное обозрение. 1888. 7 авг. (№ 31). С. 2.

³ ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 658. Л. 13–43.

бизнесе на всей территории Российской империи, в Сибири в 1887 г. законодательно отлучили от торговли спиртным [4, с. 137]. Удар, нанесенный этим запретом, был для них ощутимым, но не смертельным. Забегая вперед, заметим, что это тот самый случай, о котором в народе говорят «не было счастья, да несчастье помогло». В годы Первой мировой войны продукция заводов, принадлежавших евреям, которые в свое время были вынуждены переориентироваться на поставку леса и продукции сельского хозяйства, составляла более 80 % городского промышленного производства, поскольку была хорошо приспособлена к нуждам военного времени. Практически все еврейские предприятия выполняли военные заказы и снабжали продовольствием горожан, тогда как работа заводов городских пивных и водочных королей была остановлена, что сразу отбросило их на «запасный путь».

Еврейская торговля отличалась скупкой и продажей всего и вся, что было дозволено законом, не обнаруживая признаков специализации. Привыкшие к постоянному прессингу, евреи отличались умением быстро улавливать спрос и находить не занятые торговые ниши. Они не гонялись за каким-то престижным товаром, часто оказывая услуги в реализации самого дешевого и придавая торговую ценность продуктам, которые, казалось, таковой вовсе не представляли. Отсутствие четко очерченного ассортимента отличало и татарскую торговлю. Китайская торговля, напротив, имела ярко выраженную ориентацию на «китайские товары» — чай, сахар, сладости, табак. Многие из них доставлялись контрабандным путем и, проникая на ярмарки, продавались намного дешевле своей реальной стоимости.

Новый импульс «иностранческой» торговле придало проведение Транссибирской железнодорожной магистрали. Открывшаяся возможность начать торговлю даже при наличии капитала в одну-две тысячи

рублей и заключать сделки с оптовыми складами, открывшимися вдоль железной дороги [3, с. 215], давала хорошие шансы мелким предпринимателям, изучившим рынок и «обросшим» клиентурой, но постоянно проигрывавшим крупному капиталу с его купеческим размахом и финансовыми возможностями закупки крупных партий товаров на всероссийских ярмарках. Раздробление ярмарочной торговли, растущий спрос сельского населения, который уже не могла удовлетворить городская торговля, в разы «вырастила» ряды еврейских, китайских и татарских лавок. Предприниматели из этнических меньшинств становятся заметны и на Верхнеудинской ярмарке, где ранее они занимали позиции второго плана. В 1905 г. объем торговли китайских, еврейских и татарских предпринимателей составил 27,2 % ярмарочного оборота¹. Справедливости ради следует заметить, что к этому времени в результате проведения железной дороги значение ярмарочной торговли упало, а русско-японская война дополнительно «скорректировала» объемы привезенных на ярмарку товаров в сторону резкого снижения. К тому же еврейские и китайские торговцы часть товара продали в Верхнеудинском уезде, хотя это вошло в «ярмарочный» отчет городской управы. Реализацию не востребованных на ярмарке товаров в сельской местности также можно считать особенностью еврейско-китайской торговли. (Русское купечество обычно распределяло непроданные товары по городским магазинам в ожидании лучших времен.)

Укрепление позиций представителей этнических меньшинств в торговой сфере города вызывало неприязнь отдельных слоев русского населения, как правило, неудачливых конкурентов. Неоднократно предпринимались попытки вытеснения «инородцев» из бизнеса. Под влиянием (в общем-то, справедливых)

¹ Подсчитано по: ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1939. Л. 1-138.

требований городского купечества обложить китайцев положенной пошлиной и тем поставить в равные со всеми условия председательствующий в Совете Главного управления Восточной Сибири генерал-лейтенант Шелашников даже собирался вообще прекратить китайскую торговлю и выселить всех китайцев, хотя до этого дело не дошло. Под предлогом еврейского «подрыва коренного русского населения» и «своей еврейской пронырливости», позволяющей им одерживать «перевес над христианским населением в приобретении материальных средств», приговоры о выселении евреев из Верхнеудинска выносились, по крайней мере, трижды, хотя и этот «проект» устранения успешного соперника остался нереализованным. Надо сказать, «пронырливость» имела место быть. В частности, запрет торговли по воскресным дням после двух часов, как того требовали христианские традиции, торговцы-иноверцы попросту игнорировали. Воскресная торговля как раз обещала быть наиболее успешной, так как в город за покупками наезжали крестьяне из окрестных деревень, а православные торговцы, строго соблюдавшие церковные каноны, свои магазины закрывали и, следовательно, выбывали из конкуренции. В случае проверки нарушители всегда могли отговориться тем, что «в магазине оказался случайно» или что «не успел рассчитать покупателей к конечному часу»¹.

Серьезные правонарушения в торговом предпринимательстве тоже отрицать нельзя (о китайской контрабандной торговле уже говорилось выше). Но считать это неким чисто «национальным» явлением мы бы поостереглись. В той или иной степени обман в торговых делах был присущ всем этносам, особенно в период первоначального накопления капитала, и был почти нормой в деловых отношениях, тем более

¹ ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1226. Л. 26–27.

в краю ссылки, не имевшем сложившихся традиций «честного торгога».

В XX в. требовать выселения евреев горожане перестали. К этому времени еврейская торговля кардинальным образом изменила свое лицо, приобрела размах и респектабельность, а еврейские предприниматели стали элитой городского торгового бизнеса. В 1905 г. евреи составляли большинство в городском гильдейском купечестве, а, по данным 1913 г., 12 из 20 торговых домов, которые вели дела в Верхнеудинске, принадлежали им или были созданы при их участии [4, с. 165]. Выставить евреев из города на основании приговора, подписанного массой мелких лавочников, стало уже невозможным. Как говорил купец Кнуров, чей образ, гениально нарисованный А. Н. Островским, стал символом денежного могущества русского купечества, «есть границы, за которые осуждение не переходит» — пусть это и было сказано по другому поводу. Конкуренция с русским купечеством вышла на иной уровень. Крупная еврейская торговля утратила этнические черты, приобретая особенности русского торгового бизнеса.

Подведем итоги. Хотя «инородцам», потомкам ссыльных, было трудно конкурировать с русским купечеством, уже накопившим первоначальный капитал и поделившим рынок, они с самого начала были очень заметны — и отнюдь не только восточным колоритом, который они придавали каждому сибирскому городу. Им сразу удалось найти свою нишу и обосноваться в ней, а еврейский торговый капитал в Верхнеудинске со временем даже потеснил русский на лидерских позициях. Не вдаваясь в массу подробностей, объясняющих причину этого феномена, отметим основную: «торговые» народы были носителями капиталистических отношений, и это объективно совпало с процессом «втягивания» забайкальского региона в общерусский поток капитализма. Шустрые лавочники и коробейники, никогда не пользовавшиеся государственным

покровительством и не познавшие «прелести» развращающей торговца откупной системы, учили сибиряков капитализму. Имевшие многолетние традиции ведения торгового бизнеса, они не ждали покупателя, а шли к нему сами, умело сочетая свой интерес с покупательской потребностью.

«Торговые» народы не только успешно выполняли свое экономическое предназначение «преподавателей» азов рыночной экономики в регионе, но и играли важную социокультурную роль. Они создавали многоликий мир торговли, формировали межэтнические контакты и межкультурные коммуникации и служили проводниками в другой — чужеземный и российский полиэтнический — мир [8, с. 127–128].

Список использованной литературы

1. Гапоненко В. В. Польские политические ссыльные в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья в первой половине XIX века / В. В. Гапоненко, Е. В. Семенов. — Улан-Удэ : Изд.-полиграф. компл. ВСГАКИ, 2006. — 239 с.
2. Иркутск. Его место и значение в истории и культур. развитии Вост. Сибири. Очерк, ред. и изд. иркут. гор. головой В. П. Сукачевым. — М. : Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1891. — [2], 271 с.
3. История Бурятии : в 3 т. / гл. ред.: чл.-корр. РАН Б.В. Базаров. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. — Т. 2 : XVII — начало XX в. — 624 с.
4. Кальмина Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. — февраль 1917 года) / Л. В. Кальмина. — Улан-Удэ : Изд.-полиграф. компл. ВСГАКИ, 2003. — 423 с.
5. Кальмина Л. В. Китайский «след» в экономике Верхнеудинска / Л. В. Кальмина // Развитие городских поселений Байкальской Азии : материалы III Межрегиональной науч.-практ. конф., посвящ. 345-летию г. Улан-Удэ. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. — С. 75-84.
6. Оршанский И. Г. Евреи в России. Очерки и исследования. Вып. 1 / И. Г. Оршанский. — СПб. : Тип. М. Хана, 1872. — 235 с.
7. Региональная национально-культурная автономия татар Бурятии : история, становление, перспективы развития /

науч. ред. Л. В. Санжеева. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. — 304 с.

8. Щеглова Т. К. Образы и этнокультурная идентификация торговцев на ярмарках сибирского фронта во второй половине XIX — начале XX в. / Т. К. Щеглова // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVII — нач. XX вв.) / отв. ред. И. Л. Дамешек, Ю. А. Петрушин. — Иркутск : Вост.-Сиб. издат. комп., 2008. — С. 117-128.

Информация об авторе

Кальмина Лилия Владимировна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kalminal@gmail.com.

Author

Kalmina Lilia Vladimirovna — D.Sc. in History, Associate Professor, Leading Researcher, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS, 6, Sakhyanova str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation, e-mail: kalminal@gmail.com.

Библиографическое описание статьи

Кальмина Л. В. Особенности национальной торговли. (Торговое предпринимательство в Верхнеудинске во второй половине XIX — начале XX века) / Л. В. Кальмина // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 4. — С. 627-641. — DOI : [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).627-641](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).627-641).

Reference to article

Kalmina L. V. Specific features of national trade (commercial business in Verkhneudinsk in the second half of 19th — early 20th centuries). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 4, pp. 627-641. DOI: [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).627-641](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).627-641). (In Russian).